

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ

**Тайны Черных джунглей
Жемчужина Лабуана
Пираты Малайзии**

Санкт-Петербург

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44
С 16

Перевод с итальянского Николая Верещагина

Составитель Александр Лютиков

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Валерия Гореликова

Иллюстрации Пипейна Гамбы и Карло Линзаги

ISBN 978-5-389-16545-8

© Н. А. Верещагин, перевод, 2009
© Издание на русском языке,
состав, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

Тайны Черных джунглей

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТАЙНА СУНДАРБАНА

Глава I

УБИЙСТВО

Стекая с заоблачных Гималайских высот, пересекая цветущие провинции Сиринагар, Дели, Бихар и Бенгалию, в двухстах милях от моря, Ганг, эта знаменитая река, почитаемая всеми индийцами, разделяется на два рукава, образуя гигантскую дельту, таинственную и запутанную, представляющую собой удивительный, единственный в своем роде мир.

Огромная масса воды распадается здесь на многочисленные речушки, протоки, каналы и ручейки, которые густой сетью пронизывают собой огромную территорию между Хугли, собственно Гангом и Бенгальским заливом. Вся эта область, состоящая, по сути дела, из множества островов, островков и заросших тростником отмелей, в приморской части своей называется Сундарбан.

Нет ничего более унылого, более странного и гнетущего, чем вид этого Сундарбана. Ни города, ни деревни, ни хижины, ни какого бы то ни было человеческого жилья — ничего, кроме бесконечных зарослей бамбука, растущего сплошной стеной, высокие верхушки которого колышутся под ветром из стороны в сторону. Изредка можно заметить баньян, возвышающийся над этими густыми бамбуковыми джунглями, или покрытый цветами куст, затерявшийся среди растительного хаоса, но в целом этот край уныл и однообразен.

А если добавить, что воздух в этих местах насыщен ядовитыми испарениями и смрадом тысяч и тысяч человеческих трупов, которые разлагаются здесь повсюду в ядовитых водах каналов, то Сундарбан и вовсе покажется неуютным местечком¹.

---

¹ По древнему обычаю, индийцы хоронят своих покойников, бросая их в воды Ганга. Считается, что таким путем, спускаясь вниз по священной реке, они прямиком попадают в рай. (*Примеч. авт.*)

Днем здесь царит таинственная, гнетущая, точно могильная, тишина, а по ночам ее разрывают какие-то страшные вопли, истошный рев и леденящее кровь рычание, доносящиеся из непроглядной тьмы.

Предложите бенгальцу отправиться в Сундарбан — и он тут же решительно откажется; обещайте ему сто, двести, пятьсот рупий — ничто не заставит его поколебаться в своем решении. Предложите малангу, который, бросая вызов чуме и холере, лихорадке и ядовитому воздуху, сам живет в этих местах, пойти в джунгли — и он откажется; предложите ему любые деньги — он все равно не пойдет с вами. И они правы: углубиться в эти страшные джунгли — значит отправиться на свидание со смертью.

Там, в джунглях, среди непроходимых лиан, колючих растений и бамбука, среди болот и бесконечных протоков с темной от гнили водой, за каждым кустом таится опасность. В них скрываются тигры, которые следят за проплывающими лодками, а бывает, даже вспрыгивают на палубу небольшого судна, чтобы схватить неосторожного рыбака или матроса; там прячутся на мелководье и выслеживают свою жертву гигантские крокодилы, лакомые до человеческого мяса; там бродят огромные носороги, которых любая тень приводит в бешенство; там заросли кишат ядовитыми змеями, чей укус неотвратимо смертелен, и питонами, способными задушить в своих кольцах быка.

И, несмотря на все это, душным вечером 16 мая 1855 года яркий костер горел в сумерках в южном Сундарбане, поблизости от берега Мангала, грязной реки или, скорее, протоки, которая вытекает из Ганга и изливается в Бенгальский залив. Свет костра освещал небольшую бамбуковую хижину, у входа в которую спал, завернувшись в дорожное одеяло, молодой бенгалец атлетического сложения, с великолепно развитой мускулатурой, говорившей о необыкновенной силе и ловкости. Его смуглая кожа блестела от кокосового масла, а выразительные черты слегка округлого лица и чуть полноватые губы даже во сне выражали ту энергию и неколебимую храбрость, которых не хватает обычно многим его соотечественникам.

Он спал, но сон его не был спокоен; лицо поминутно менялось и вздрагивало во сне, крупные капли пота выступили на лбу, широкая грудь порывисто вздымалась, а руки нервно блуждали по земле. Какие-то невнятные отрывистые восклицания срывались с его губ.

— Где же она? — бормотал он с тревогой. — Солнце заходит, его красный диск спускается за бамбук... Почему она не появляется?.. Что случилось?.. Может, я заблудился и спутал место? Нет! Разве не тот самый куст с кроваво-красными цветами, рядом с которым я уже видел ее?.. О, приди, приди... Я страдаю, я считаю мгновения, чтобы снова увидеть тебя...

Он застонал, заметался во сне и вдруг замер — спящее лицо его озарила улыбка.

— О!.. Вот, вот она... Ее черные глаза смотрят на меня, ее розовые губы улыбаются... Как божественна эта улыбка! Но ты, мое нежное видение, почему ты всегда молчишь? Почему так странно смотришь на меня?.. Не бойся! Я Тремаль-Наик, охотник на змей из Черных джунглей... Говори же, говори!.. Дай мне услышать твой нежный голос... Солнце заходит, ночь спускается... Не исчезай, не исчезай! Нет, не хочу! Нет, нет!..

Он издал громкий крик, и лицо его исказилось страданием.

На его крик вышел из хижины второй индеец. Он был чуть ниже ростом, но крепкий и коренастый, с жилистыми руками и ногами, походившими на узловатые корни. Резкие черты лица, мрачноватый взгляд глубоко сидящих глаз, короткий передник, который прикрывал ему бедра, и подвески в ушах — все это выдавало в нем маратха, представителя воинственного племени, населяющего Западную Индию.

— Бедный Тремаль-Наик! — прошептал он, глядя на спящего. — Что за странный сон тревожит его?..

Он подбросил сучьев в костер и уселся рядом с бенгальцем, медленно обмахивая его опахалом из павлиньих перьев.

— Нет, здесь какая-то тайна, — снова забормотал спящий прерывистым голосом. — Я слышу звуки трубы. Я вижу пятна крови!.. Нежное видение, беги отсюда... ты испачкаешься в крови!.. Почему здесь красное?.. Зачем все эти шнуры и арканы? Здесь кого-то хотят задушить? Что за тайна?.. Скажите мне!..

— О чем он? — проговорил удивленный маратх. — Кровь, видения, арканы!.. Ну и сон!

Вдруг спящий встрепнулся, открыл глаза, блеснувшие в свете костра, как два черных алмаза, и сел.

— Нет!.. Нет!.. — вскричал он хрипло. — Не хочу!..

Маратх посмотрел на него с состраданием.

— Хозяин, — прошептал он. — Что с тобой?

Казалось, только теперь бенгалец пришел в себя. Он закрыл глаза, потом снова открыл их, пристально глядя в лицо маратха.

— Ах! Это ты, Каммамури! — воскликнул он.

— Да, хозяин.

— Что ты здесь делаешь?

— Стерегу твой сон и отгоняю moskitov.

Тремаль-Наик глубоко вздохнул и несколько раз провел рукой по лбу.

— А где Хурти и Агур? — спросил он, немного помолчав.

— В джунглях. Вчера они нашли следы тигра и сегодня утром отправились ловить его.

Тремаль-Наик нахмурил лоб, и глубокий вздох замер на его пересохших губах.

— Что с тобой, хозяин? — спросил Каммамури. — Тебе плохо?

— Нет, ничего.

— Но ты во сне жаловался.

— Я?..

— Да, хозяин, ты говорил о странных видениях.

Горькая улыбка показалась на губах Тремаль-Наика.

— Я страдаю, Каммамури, — сказал он, покачав головой. — О, я очень страдаю!

— Я знаю, хозяин.

— Откуда?

— Уже две недели я наблюдаю за тобой. Ты грустен, молчалив. Никогда ты не был так печален.

— Это правда, Каммамури.

— Что же так угнетает тебя? Может, тебе надоело в джунглях?

— Нет, Каммамури. Здесь, в этих зарослях, среди этих болот, на земле тигров и змей, я родился и вырос, здесь я и умру.

— Но тогда в чем же дело?

— Есть женщина, видение, призрак!

— Женщина! — удивленно воскликнул Каммамури. — Ты сказал, женщина?

Тремаль-Наик утвердительно качнул головой и с силой прижал руки ко лбу, как бы желая прогнать гнетущие мысли.

Несколько минут возле хижины царило мрачное молчание, едва прерываемое журчанием реки, разбивающейся о берега, да стонами ветра, раскачивающего верхушки бамбука.

— Но где ты видел эту женщину? — наконец спросил Каммамури. — Неужели здесь, в этих джунглях, единственные обитатели которых — змеи и тигры?

— Я видел ее в джунглях, Каммамури, — сказал Трёмаль-Наик тихим голосом. — Был вечер — о, я не забуду его никогда, этот вечер, Каммамури! Я подкарауливал змей на берегу ручья, там, в самой гуще бамбука, когда в двадцати шагах от меня, за кустом с кроваво-красными цветами, появилось видение — женщина, прекрасная, сверкающая, горделивая. Я никогда не думал, Каммамури, что на земле может быть такое прекрасное существо, что небесные боги способны создать его.

У нее были живые черные глаза, белоснежные зубы, чуть смуглая кожа, от ее темно-каштановых волос, волнисто спускающихся на плечи, исходил нежный аромат, который пьянил меня.

Она взглянула на меня и, тяжело вздохнув, тут же исчезла. Я чувствовал, что не способен двигаться и, замороженный, лишь протянул руки к возникшему передо мной видению. Когда же пришел в себя и принялся искать ее, на джунгли спустилась ночь, и все скрылось во тьме. Что это было: живая женщина или небесный дух — я так и не знаю.

Трёмаль-Наик умолк. От охватившего его возбуждения он дрожал, как в лихорадке.

— Это видение стало для меня роковым! — с болью воскликнул он. — С того вечера я стал другим человеком, в моем сердце разгорается какое-то страшное пламя! Этот призрак точно околдовал меня. Когда я в джунглях, она все время у меня перед глазами, на реке я вижу, как она скользит впереди моей лодки. Мои мысли все время только о ней; и во сне, и наяву передо мной только она. Мне кажется, я схожу с ума.

— Ты пугаешь меня, хозяин, — сказал Каммамури встревоженным тоном. — Кто бы это мог быть?

— Не знаю, Каммамури. Но она была прекрасна. О, необыкновенно прекрасна! — страстно прошептал Трёмаль-Наик.

— Может, это был дух?

— Возможно.

— Или божество?

— Кто может это сказать?

— И ты больше никогда ее не видел?

— О нет, я видел ее много раз. На следующий вечер, в тот же час, сам не знаю как, я оказался на берегу ручья. Когда луна засияла над темным лесом, это горделивое создание снова появилось среди тех же кустов.

«Кто ты?» — спросил я ее.

«Ада», — ответила она. И исчезла, издав такой же вздох. Мне показалось, что она провалилась сквозь землю.

— Ада! — воскликнул Каммамури. — Это что, имя?

— Это имя, но не индийское.

— Она добавила еще что-нибудь?

— Нет, ни слова.

— Это странно. Я бы на твоём месте, хозяин, никогда больше туда не возвращался.

— А вот я вернулся. Какая-то неодолимая сила против моей воли снова влекла меня на то место. Несколько раз я попытался бежать, но мне не хватало сил сделать это. Я тебе сказал — меня точно околдовали.

— А что ты испытывал в ее присутствии?

— Не знаю, но сердце мое билось очень сильно, я ощущал какой-то сладкий восторг.

— А раньше ты не испытывал такого чувства?

— Никогда, — сказал Тремаль-Наик.

— И сегодня ты видел это создание?

— Нет, Каммамури. Я видел ее десять вечеров подряд; в один и тот же час она являлась перед моими глазами, молча смотрела на меня и тут же бесшумно исчезала. Один раз я сделал ей знак приблизиться, но она не двигалась; в другой раз я открыл рот, чтобы заговорить, но она приложила палец к губам.

— И ты никогда не следовал за ней?

— Нет. Эта женщина внушала мне страх. Две недели назад она возникла передо мной, одетая в красный шелк, и смотрела на меня дольше, чем обычно. А на следующий день напрасно я ждал ее, напрасно звал — она больше не появилась.

— Странное приключение, — пробормотал Каммамури.

— Ужасное, — сказал Тремаль-Наик глухим голосом. — Я сам не свой с тех пор, я места себе не нахожу. Я чувствую страстное желание снова увидеть ту девушку, которая околдовала меня!

— Значит, ты любишь ее.

— Люблю ее! Я не понимаю, что значит это слово.

В этот миг на юге, среди огромных болот, раздалось, один за другим, несколько странных протяжных звуков. Маратх побледнел и резко вскочил на ноги.

Я чувствовал, что не способен двигаться и, замороженный, лишь протянул руки к возникшему передо мной видению.

— Это рамсинга!¹ — с ужасом воскликнул он.
— Что с тобой? — спросил Тремаль-Наик.
— Ты разве не слышал рамсингу?
— Да. Ну и что из того?
— Она предвещает несчастье, хозяин.
— Глупости, Каммамури.
— Я никогда не слышал, чтобы в джунглях звучала рамсинга, кроме той ночи, когда был убит бедный Тамул.

При этом напоминании легкая тревога появилась на лице Тремаль-Наика.

— Не бойся, — сказал он, стараясь казаться спокойным. — Ты знаешь, как много индийцев умеют играть на рамсинге. Возможно, какой-то охотник вслед за нами забрел в эти джунгли.

Но едва он проговорил это, как жалобный вой собаки, а вместе с ним короткий тигриный рев раздались внутри хижины.

— Ах! Хозяин! — вскричал Каммамури. — Собака и наша тигрица тоже чувствуют беду.

— Дарма! Пунти! — позвал Тремаль-Наик.

Молодая тигрица, огромная, с мощными формами, с оранжевой шкурой в темную полоску, неслышно ступая, вышла из хижины и уставилась на хозяина желтыми глазами. Следом за ней появился черный пес, рослый, с острыми стоячими ушами и в толстом железном ошейнике, утыканном шипами.

— Дарма! Пунти! — повторил Тремаль-Наик.

Тигрица подобралась, издала глухое ворчание и одним огромным прыжком оказалась у ног хозяина.

— Что с тобой, Дарма? — спросил он, проводя руками по мощной спине зверя. — Ты беспокоишься?

Собака тоже подошла к хозяину. Она вытянула голову к югу, чутко понюхала воздух и коротко пролаяла три раза.

— Неужели с Хурти и Агуром случилось несчастье? — с беспокойством прошептал охотник на змей.

— Боюсь, что да, хозяин, — сказал Каммамури, бросая испуганные взгляды на джунгли. — Они должны были уже вернуться.

---

¹ *Рамсинга* — духовой инструмент, состоящий из четырех тонких металлических трубочек. Чтобы играть на нем, нужны мощные легкие. (Примеч. авт.)

- Ты не слышал выстрелов?
- Слышал около полудня, а потом ничего.
- С какой стороны?
- С юга, хозяин.
- И не видел там ничего подозрительного?

— Нет, но Хурти говорил, что заметил человеческую тень на берегу острова Раймангал, а Агур слышал странные шумы, исходящие из священного баньяна.

- Ах из баньяна! — воскликнул Тремаль-Наик.
- Да. Но что же мы будем делать, хозяин?
- Ждать.
- Но они могут...
- Тихо! — сказал Тремаль-Наик, сжав ему с силой руку.
- Что ты услышал? — прошептал маратх, замерев.
- Смотри туда: тебе не кажется, что бамбук колыхнется?
- И правда, хозяин.

Пунти еще раз глухо залаял, и тут же снова послышались таинственные звуки рамсинги. Тремаль-Наик выхватил из-за пояса длинный, богато украшенный серебром пистолет и взвел курок.

В этот миг из зарослей бамбука выскочил высокий полуголый индеец с топором в руке и сломя голову бросился к хижине.

— Агур! — в один голос воскликнули Тремаль-Наик и маратх.

Пунти с жалобным воем кинулся ему навстречу.

— Хозяин!.. Хо... зяин! — прохрипел индеец.

В два прыжка он очутился перед хижиной, но тут зашатался, обессиленный, и, закатив глаза, рухнул на траву.

Тремаль-Наик бросился к нему.

Индеец, казалось, умирает. На губах у него пузырилась кровавая пена, лицо было разодрано и залито кровью, в расширенных глазах застыло выражение ужаса; он задыхался и хрипло дышал.

— Агур! — воскликнул Тремаль-Наик. — Что случилось? Где Хурти?

Агур испустил яростный крик, похожий на стон, и ногти его яростно впились в землю.

- Хозяин... хо-зяин! — прохрипел он с глубоким ужасом.
- Продолжай.

— Задыхаюсь... я бежал... ах, хозяин!

— Может, его отравили? — прошептал Каммамури.

— Нет, — сказал Тремаль-Наик. — Бедняга бежал, как лошадь; через несколько минут он придет в себя.

В самом деле понемногу Агур начал приходить в себя и задыхался свободнее.

— Говори, Агур, — сказал Тремаль-Наик через несколько минут. — Почему ты вернулся один? Что случилось с твоим товарищем?

— Ах, хозяин, — дрожа, пробормотал индиец. — Какое несчастье! Если бы вы видели этого беднягу... там, распростертого на земле, окоченевшего, с глазами, вылезшими из орбит...

— Кого?.. Кого?..

— Хурти!

— Хурти мертв?! — вскричал Тремаль-Наик.

— Да, его убили у подножия священного баньяна.

— Но кто убил его? Скажи мне, я пойду и отомщу за него.

— Я не знаю, хозяин.

— Расскажи все по порядку.

— Мы отправились выслеживать большого тигра. В шести милях отсюда мы обнаружили зверя. Хурти ранил его, но тигр ушел к югу. Мы преследовали его два часа и нагнали на берегу, напротив острова Раймангал. Но убить его нам не удалось. Едва завидя нас, он бросился в воду и перебрался на остров у подножия большого баньяна.

— Хорошо, а потом?

— Я хотел вернуться, но Хурти решил, что раз тигр ранен, то он легкая добыча. Мы переплыли реку и выбрались на берег Раймангала, а там разделились, чтобы обследовать окрестности.

Индиец остановился, стуча зубами от страха, не в силах продолжить свой рассказ.

— Спускался вечер, — снова начал он, собравшись с силами. — Под деревьями сгустилась тьма, вокруг царило мрачное молчание, которое внушало ужас. Вдруг громкий звук, звук рамсинги, разорвал тишину. Я оглянулся вокруг, и мои глаза встретились с чьим-то пристальным взглядом. Человек этот прятался шагах в двадцати от меня, за кустом.

— Кто это был? — воскликнул Тремаль-Наик. — Говори, Агур, говори.

— Мне показалось, женщина.

— Женщина?!

— Да, я уверен, что это была женщина.

— Красивая?

— Было слишком темно, чтобы я мог отчетливо рассмотреть ее.

Тремаль-Наик приложил руку ко лбу.

— Женщина, — повторил он еще раз. — Там женщина? А что, если это мое видение?.. Продолжай, Агур.

— Она смотрела на меня несколько мгновений, потом протянула руку, приказывая немедленно уходить. Удивленный и испуганный, я послушался, но не сделал и ста шагов, как сдавленный вопль достиг моих ушей. Я сразу узнал: это кричал бедный Хурти!

— А женщина? — спросил Тремаль-Наик, весь дрожа от волнения.

— Я даже не обернулся, чтобы посмотреть на нее. Я бросился через джунгли с карабином в руках и добрался до большого баньяна, у подножия которого увидел лежащего на спине бедного Хурти. Я позвал его, но он не ответил; я коснулся его — он был еще теплый, но сердце больше не билось в груди.

— Ты уверен?

— Вполне уверен, хозяин.

— Как он был убит?

— Я не заметил на теле никакой раны.

— Это невозможно!

— Клянусь тебе.

— И ты никого там не видел?

— Никого. И не слышал никакого шума. Я испугался, бросился в реку, пересек ее, потеряв карабин, и кинулся в наши джунгли. Думаю, что пробежал эти шесть миль на одном дыхании, так я был напуган. Бедный Хурти!

Глава II

ТАИНСТВЕННЫЙ ОСТРОВ

Глубокое молчание последовало за рассказом индийца. Тремаль-Наик с мрачным и взволнованным видом принялся рассказывать у костра, склонив голову на грудь, нахмутив лоб и скре-

стив руки на груди. Каммамури, объятый ужасом, сидел неподвижно, обхватив голову руками. Даже пес перестал жалобно выть и улегся рядом с Дармой.

Вновь прозвучавшие вдали звуки таинственной рамсинги вырвали Тремаль-Наика из его оцепенения. Он поднял голову, как боевой конь, слышавший звук трубы, бросил острый взгляд на пустынные джунгли, над которыми колыхался густой туман, наполненный вечерними испарениями, и резко повернулся к Агуру.

— Ты когда-нибудь слышал раньше рамсингу? — спросил он его.

— Да, хозяин, — отвечал индеец, — но только один раз.

— Когда?

— В ту ночь, когда исчез Тамул, то есть полгода назад.

— Значит, ты, как и Каммамури, думаешь, что она предвещает беду?

— Да, хозяин.

— Ты знаешь, кто это трубит там?

— Понятия не имею.

— Как ты думаешь, имеет ли все это какое-то отношение к таинственным обитателям Раймангала?

— Думаю, да.

— Кто эти люди, по-твоему?

— Вы уверены, что это люди?

— Уж наверняка не души умерших.

— Возможно, это пираты, — сказал Агур.

— А чего ради им убивать моих людей?

— Кто знает? Возможно, хотят напугать нас, чтобы мы держались подальше.

— А где же они обитают?

— Не знаю, но предполагаю, что каждую ночь они собираются под священным баньяном.

— Ладно, — сказал Тремаль-Наик. — Каммамури, бери весла.

— Что ты задумал, хозяин? — спросил маратх.

— Отправиться к баньяну.

— Ох, не делай этого, хозяин! — в один голос закричали оба индийца.

— Почему?

— Они убьют тебя, как убили бедного Хурти.

Тремаль-Наик посмотрел на них глазами, сверкающими, как пламя.

— Охотник на змей ни разу не дрожал за всю жизнь, не станет дрожать и сегодня. В лодку, Каммамури! — вскричал он тоном, не допускающим возражений.

— Но, хозяин!..

— Может, ты боишься? — презрительно спросил Тремаль-Наик.

— Я маратх! — с гордостью сказал индиец.

— Тогда идем. Сегодня ночью узнаю, кто эти таинственные люди, которые объявили мне войну, и кто та, что околдовала меня.

Каммамури взял пару весел и направился к берегу. Тремаль-Наик вошел в хижину, сорвал с гвоздя свой карабин с коротким стволом, взял большой патронташ и засунул за пояс длинный нож.

— Агур, ты останешься здесь, — сказал он, выходя. — Если через два дня мы не вернемся, отправляйся вслед за нами на Раймангал с Дармой и Пунти.

— Ах, хозяин...

— Что, у тебя не хватит храбрости для этого?

— Храбрости у меня хватит, хозяин. Но зря ты сам отправляешься на этот проклятый остров.

— Тремаль-Наик не оставляет убийство безнаказанным, Агур.

— Возьми с собой Дарму. Она может пригодиться.

— Она выдаст мое присутствие. А я хочу высадиться незаметно и неслышно. Прощай, Агур!

Он забросил за плечо карабин и догнал Каммамури, который ждал его у маленькой лодки, грубой и тяжелой, выдолбленной из ствола дерева.

— В путь, — сказал он.

Они прыгнули в лодку и поплыли, гребя медленно, в настроенном молчании.

Глубокая тьма, густеющая от ядовитого тумана, который колыхался над каналами и островами, окутывала Сундарбан и течение Мангала. Справа и слева простирались обширные заросли колючего бамбука и перевитых лианами густых кустов, жестких и острых, как сабля, трав, сплетенных между собой так, что невозможно пройти.

Повсюду царило мрачное, таинственное молчание, едва нарушаемое журчанием вод, омывающих склоненные, подобно аркам, ветви мангров и листья лотоса, да шелестом бамбука, волнуемого дуновением горячего ветра.

Тремаль-Наик, расположившись на корме, с ружьем под рукой, пристально вглядывался в оба берега, где слышалось то хрипкое звериное ворчание, то тихий змеиный свист. Каммамури же, сидя посередине, короткими гребками заставлял скользить по воде маленькую лодку, которая оставляла позади себя светящуюся полосу, точно эти гниющие воды были насыщены фосфором. Время от времени он переставал грести и, затаив дыхание, прислушивался к ночной тишине, тревожно и вопросительно поглядывая на хозяина.

Так плыли они уже полчаса, когда молчание было прервано рамсингой, послышавшейся с правого берега так близко, точно трубач находился всего в каких-нибудь ста шагах.

— Стой! — прошептал Тремаль-Наик.

И тут же вторая рамсинга ответила первой, но на большем расстоянии. Похоже, это был какой-то условный сигнал. Именно этого Каммамури и боялся.

— Хозяин, — сказал он, — нас обнаружили.

— Возможно, — ответил Тремаль-Наик, который внимательно прислушивался к звукам трубы.

— Может, вернемся? Эта ночь не для нас.

— Тремаль-Наик никогда не возвращается назад. Гребни, и пусть рамсинга трубят сколько угодно.

Маратх снова взялся за весла, и вскоре лодка оказалась у того места, где река сужалась, наподобие горлышка бутылки. Дуновение теплого, душного воздуха, насыщенного чумными испарениями, коснулось их лиц.

Прямо перед ними, в трехстах или четырехстах шагах, появились многочисленные огоньки, которые причудливо колыхались на черной поверхности воды. Как будто привлеченные таинственной силой, они то танцевали перед самым носом лодки, то стремительно бросались в сторону.

— Вот мы и на плавучем кладбище, — сказал Тремаль-Наик. — Через десять минут будем у баньяна.

— Мы проплывем тут на лодке? — спросил Каммамури.

— Немного терпения...

— Это плохо, хозяин, — тревожить мертвых.

— Брама и Вишну простят нас. Гребни, Каммамури!

В несколько ударов весла лодка достигла суженной части реки и вошла в некое подобие заводи, над которой сплетались длинные ветви огромных тамариндов, образуя сплошной свод из листвы.

В воде плавало множество полуразложившихся трупов, которые по каналам Ганга были занесены в Мангал. Вода, потревоженная ударами весел, слегка колыхалась, и вместе с нею покачивались погруженные в воду трупы, производя жутковатое впечатление, точно двигали руками и ногами во сне. Каммамури перестал грести, расширившимися от страха глазами глядя на них¹.

— Вперед! — подбодрил его Тремаль-Наик.

Маратх снова было взялся за весла, но тут зеленый навес, который покрывал это плавучее кладбище, приоткрылся и пропустил стаю странных птиц с черными крыльями и огромными острыми клювами. Несколько десятков этих птиц, похожих на пернатых могильщиков, спустилось к воде и, сложив крылья, уселось на трупы.

— Это марабу, — сказал Тремаль-Наик. — Вперед, Каммамури!

Лодка двинулась дальше и, пересекши кладбище, оказалась в довольно широкой заводи, разделенной надвое узкой полоской земли, на которой одиноко возвышалось огромное дерево.

— Баньян! — сказал Тремаль-Наик.

При этом слове Каммамури вздрогнул.

— Хозяин! — прошептал он сквозь зубы.

— Не бойся, маратх! Положи весла, и пусть лодка сама причалит к берегу. Возможно, поблизости кто-то есть.

Маратх послушался и растянулся на дне лодки. Тремаль-Наик, из предосторожности взведя курок карабина, сделал то же самое.

Повинуясь легкому течению реки, лодка медленно приближалась к северной оконечности острова Раймангал, обиталищу тех самых таинственных убийц, жертвой которых стал Хурти.

Глубокая тишина царила вокруг. Не слышно было ни шелеста гигантского бамбука, волнуемого ночным ветерком, ни зву-

---

¹ Подобные этому плавучие кладбища нередко встречаются в Сундарбане, куда священная река выносит в конце концов всех покойников, которых хоронят в ней. (Примеч. авт.)

ков рамсинги. Сама река была здесь неподвижной и гладкой, точно покрытая маслом.

Не доверяя, однако, этой обманчивой тишине, Тремаль-Наик время от времени осторожно приподнимал голову и внимательно оглядывал берега.

С легким толчком лодка остановилась в ста шагах от баньяна, но оба индийца не двигались. Прошло несколько минут тревожного ожидания, прежде чем Тремаль-Наик решился встать. Тогда он сразу заметил черную бесформенную массу, лежащую в траве в двадцати метрах от берега.

— Каммамури! — прошептал он. — Встань и возьми свои пистолеты.

Маратх не заставил повторять приказ дважды.

— Что ты видишь, хозяин? — едва слышно спросил он.

— Смотри туда.

— О!.. — сказал маратх, широко открыв глаза. — Человек!

— Тихо!

Тремаль-Наик поднял карабин, прицелившись в эту черную массу, которая имела вид лежащего человека, но опустил его, не выстрелив.

— Пойдем посмотрим, Каммамури! — сказал он. — Это мертвец.

— А если он притворяется мертвым?

— Тем хуже для него.

Два индийца спрыгнули на берег и осторожно направились к человеку в траве, который не подавал признаков жизни. Они были в десяти шагах, когда с его спины с шумом поднялся марабу и полетел к реке.

— Это мертвец, — прошептал Тремаль-Наик. — Если это...

Одним прыжком он бросился к трупу и глухое восклицание сорвалось с его губ.

— Хурти! — воскликнул он.

И в самом деле это был труп Хурти, умершего ужасной, мучительной смертью. Несчастный лежал на спине, с руками и ногами, сведенными судорогой, со страшно искаженным лицом и глазами, вылезшими из орбит. Его ноги были исцарапаны и окровавлены — его явно волочили по земле, — а из разинутого рта высовывался язык. Тремаль-Наик приподнял несчастного индийца, чтобы увидеть, в какое место его поразил

ли, но не нашел на теле ран. Однако, посмотрев повнимательней, он заметил синеватый рубец вокруг шеи, а на затылке вмятину от удара каким-то тупым предметом.

— Его сначала оглушили, а потом задушили, — сказал он глухо.

— Бедный Хурти! — прошептал маратх. — Но почему они убили его именно таким способом?

— Мы узнаем это, Каммамури. И клянусь тебе, я не оставлю преступление безнаказанным.

— Боюсь, хозяин, что этих людей много и они очень сильны.

— Тремаль-Наик сильней их. А теперь возвращайся в лодку.

— А Хурти? Мы оставим его здесь?

— Я опущу его в священные воды Ганга завтра утром. А чтобы за ночь тигры не сожрали его, я буду сторожить до утра.

— Как же так? Значит, ты не возвращаешься?

— Нет, Каммамури, я остаюсь здесь. Я покину этот остров, когда закончу здесь свои дела.

— Ты хочешь, чтобы тебя убили?..

Презрительная улыбка показалась на губах Тремаль-Наика.

— Я — сын джунглей! Возвращайся же в лодку, Каммамури.

— О, ни за что, хозяин!

— Почему?

— Если ты попадешь в беду, кто поможет тебе? Позволь мне сопровождать тебя, и клянусь, что последую за тобой куда хочешь.

— Даже если я отправлюсь искать мое видение?

— Да, хозяин.

— Ну что ж, оставайся со мной, мой храбрый маратх. Вдвоем мы будем стоять десяти. Пошли!

Тремаль-Наик вернулся к берегу, ухватился за борт лодки и, сильным толчком опрокинув ее, затопил на мелководье.

— Зачем это? — удивленно спросил Каммамури.

— Никто не должен знать, что мы здесь. А теперь попробуем раскрыть эту тайну.

Они проверили патроны в карабинах и пистолетах, чтобы быть уверенными в них, и осторожно направились к баньяну, внушительная масса которого гордо виднелась в ночной темноте.

Глава III

МЕСТЬ ЗА ХУРТИ

Баньяны, называемые также «фигами пагод», — самые удивительные деревья, которые только можно вообразить.

Их высота и толщина не только больше, чем у столетних дубов, но, кроме того, с их многочисленных горизонтальных ветвей спускаются вниз тонкие воздушные корни, которые тут же укореняются, едва коснувшись земли, и быстро крепнут, образуя все новые и новые стволы и давая тем самым новое питание и все более мощную жизнь всему растению.

Его ветки удлиняются дальше, пуская новые корни, а значит, и новые стволы — таким образом одно дерево часто покрывает большое пространство земли. Оно, можно сказать, образует целый лес, состоящий из сотен и сотен причудливых колонн, под которыми приверженцы Браммы размещают своих идолов.

В провинции Гуджарат существует баньян, называемый «кобир бор», очень почитаемый индийцами, которому они насчитывают три тысячи лет. Он покрывает площадь в две тысячи квадратных футов и имеет не менее трех тысяч колонн или, если хотите, корней. В древности он был еще больше, но значительная часть его была разрушена водами реки, которые размывали часть острова, где он растет.

Баньян, под которым два индийца собирались провести ночь, был одним из самых больших. Его окружало множество колонн, поддерживающих огромные ветви с маленькими алыми плодами; толстый ствол был срублен на определенной высоте.

Внимательно осмотрев колонну за колонной, чтобы убедиться, что за ними никто не прячется, Трималь-Наик и Каммамури уселись у ствола, положив на колени карабины.

— Сюда обязательно кто-нибудь придет, — сказал вполголоса охотник на змей. — Посмотрим, кто же это будет.

— Ты думаешь, что люди, которые убили Хурти, приходят сюда?

— Уверен. Еще до завтра мы кое-что узнаем о них.

— Мы схватим первого, кто придет, и убьем его.

— Там видно будет. А теперь молчи и гляди в оба.

Трималь-Наик достал из кармана лист, похожий на лист плюща, называемый в Индии «бетель», соединил его с кусоч-

ком ореха, добавил немного мела и принялся жевать эту смесь, которая считается у индийцев полезной для желудка, питает мозг, предохраняет зубы и очищает дыхание.

Прошло два часа, долгих, как два века, во время которых ничто не нарушило тишины, царившей под густой сенью гигантского дерева. Было уже, наверное, около полуночи, когда Тремаль-Наику, который был настороже, показалось, что он слышит странный шум.

Это был какой-то подземный грохот, подобный тому, что бывает при землетрясениях, но более слабый и глухой.

Тремаль-Наик почувствовал, как им овладевает смутное беспокойство.

— Каммамури, — прошептал он едва слышно, — будь настороже.

— Ты что-то заметил? — спросил маратх, вздрогнув.

— Ничего, но я слышал непонятный шум.

— Где?

— Мне показалось, он идет из-под земли.

— Это невозможно, хозяин!

— У меня хороший слух, я не мог ошибиться.

— Что же это такое?

— Понятия не имею, но скоро мы это узнаем.

— Хозяин, тут какая-то страшная тайна.

— Ты боишься?

— Нет, я маратх.

— Тогда мы ее раскроем.

В этот миг из-под земли снова донесся тот же таинственный грохот. Оба индийца удивленно переглянулись.

— Так может грохотать огромный барабан, например ханг, — сказал Тремаль-Наик.

— Так и есть, — ответил Каммамури. — Но как он оказался под землей? Неужели эти таинственные люди устроили себе логово под джунглями?

— Скорее всего, Каммамури.

— Что будем делать, хозяин?

— Останемся здесь: кто-нибудь да придет сюда в конце концов.

— Тикора! — раздался вдруг в темноте чей-то голос.

Оба индийца вскочили на ноги. Голос прозвучал очень близко от них, буквально за их спиной.

— Тикора! — прошептал Трёмаль-Наик. — Кто произнес это имя?

Он огляделся кругом, но никого не увидел; посмотрел вверх, но не заметил ничего, кроме ветвей баньяна, смутно проступающих в темноте.

— Может, кто-то прячется в ветвях?

— Нет-нет, — весь дрожа, сказал Каммамури. — Голос слышался сзади нас.

— Странно.

— Тикора! — воскликнул тот же таинственный голос.

Два индийца снова оглянулись. Ошибиться было невозможно: кто-то находился рядом с ними, но, к их удивлению и даже ужасу, был невидим.

— Хозяин, — прошептал Каммамури, — нам придется иметь дело с каким-то духом.

— Я не думаю, что это духи, — ответил Трёмаль-Наик. — Мы найдем того, кто развлекается, пугая нас.

— О!.. — воскликнул маратх, пятась назад в испуге. — Смотри туда... хозяин! Смотри!..

Трёмаль-Наик поднял глаза на баньян и заметил полосу света, пробивающуюся из расщепленного ствола. Несмотря на всю свою храбрость, он почувствовал, как кровь застыла у него в жилах.

— Свет! — прошептал он потрясенно.

— Бежим, хозяин! Бежим! — умолял Каммамури.

В третий раз из-под земли донесся таинственный грохот, и из ствола баньяна послышался пронзительный звук рамсинги. Издалека раздались другие похожие звуки.

— Бежим, хозяин! — повторил Каммамури, обезумев от ужаса.

— Никогда! — решительно возразил Трёмаль-Наик.

Он зажал в зубах кинжал и взял карабин за ствол, чтобы в случае чего отбиваться прикладом. Но внезапно он передумал.

— Спрячемся, Каммамури, — сказал он. — Прежде чем вступить в схватку, надо посмотреть, с кем придется иметь дело.

Он увлек маратха в сторону, и оба притаились за колоннами, растущими здесь.

— Теперь ни звука, — сказал он. — В удобный момент начнем действовать.

Из огромного ствола баньяна раздалась последняя резкая нота, которая разбудила эхо Сундарбана. Полоска света, кото-

СОДЕРЖАНИЕ

Тайны Черных джунглей	5
Жемчужина Лабуана	297
Пираты Малайзии	553

Сальгари Э.

- С 16 Тайны Черных джунглей ; Жемчужина Лабуана ; Пираты Малайзии : романы / Эмилио Сальгари ; пер. с ит. Н. Верещагина. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2019. — 768 с. : ил. — (Мир приключений).

ISBN 978-5-389-16545-8

Эмилио Сальгари (1862–1911) — прославленный писатель, которого современники называли «итальянским Жюлем Верном», создавший около двухсот романов и рассказов. Среди этих многочисленных произведений, сверкающих яркой фантазией и захватывающими сюжетами, наибольшую популярность завоевали два пиратских цикла: «Антильские пираты» — о приключениях Черного Корсара и его верных последователей, а также серия романов под общим названием «Пираты Малайзии» — о великом и ужасном пирате Сандокане. Впрочем, Тигр Малайзии, от страшных деяний которого содрогаются небеса, на самом деле обыкновенный мужчина, чье сердце способно на подлинную, чистую любовь.

В настоящее издание вошли три романа Эмилио Сальгари: «Тайны Черных джунглей», «Жемчужина Лабуана» и «Пираты Малайзии», в которых читателя ожидают невероятные приключения.

Впервые на русском языке произведения сопровождаются полным комплектом иллюстраций итальянских художников Пипейна Гамбы и Карло Линзаги.

УДК 821.131.1
ББК 84(4Ита)-44

Литературно-художественное издание

ЭМИЛИО САЛЬГАРИ
ТАЙНЫ ЧЕРНЫХ ДЖУНГЛЕЙ
ЖЕМЧУЖИНА ЛАБУАНА
ПИРАТЫ МАЛАЙЗИИ

Редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Ирины Варламовой
Корректоры Валерий Камендо, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 22.05.2019. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 3500 экз. Усл. печ. л. 48. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

12+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

Y-MPR-25004-01-R